

ГЕРОЕВ СОЗДАЁТ НАРОД

Источник публикации:

Шатырёнок, Ирина. Героев создает народ [Электронный ресурс] // Вечерний Гродно: портал газеты. – Режим доступа: <http://vgr.by/2017/05/26/geroev-sozdajot-narod/>. – Дата доступа : 10.10.2019. – на рус. яз.

Сегодня меняется исторический взгляд на события Второй мировой войны, даётся новая оценка, часто диаметрально противоположная существующей. Встречаются и откровенные спекуляции. Есть и крайности в оценках. В публичных высказываниях партизан приравняют к оккупантам, а партизанское движение представляют последним советским мифом.

Моё поколение родилось в первые десять лет после войны. Мы жили рядом с фронтовиками и слышали от них немного другие истории о войне, чем доносились из радиоприёмника или печатались в газетах. Рассказы эти были просты, без налёта героизма, какие-то обыкновенные и незамысловатые. Наше детское, легкомысленное отношение к наградам, ранениям, солдатским будням, званиям не было насыщено особенным пиететом. Во дворе, дома — атмосфера обыденности, привычки. Малышне забава — поиграть с орденами и медалями.

ДВЕ ВОЙНЫ

Фронтовики не очень любили вспоминать о войне. Другое дело — за кружкой пива в привокзальном буфете, приправляя бывшее крепким солёным словцом... Мальчишки крутились возле столиков в надежде вытянуть у отцов копейки на мороженое, прислушивались к мужским разговорам. Давно знакомая речь о налётах «мессеров», мощи Т-34, артобстрелах, застрявших в спине осколках («такая ж немецкая сволочь — как на дождь, так начинают под позвоночником шевелиться») проникала в наше сознание естественно, как тёплый майский воздух, насыщенный концентратом душистой сирени.

Вот по улице идёт отец Витьки Ефимова. Худой, сутулый, ноги заплетаются — опять пьяный. Все знали, что отец Витьки вернулся из немецкого концлагеря. Бабы во дворе жалели мать Витьки. Женщина на двух работах надрывалась, а муж — работник никакой, только и умеет детей строгать — четверо у них.

Отец Наташки Устиновой — старый машинист паровоза. Всю войну вывозил раненых на санитарном поезде. Мать Галки и Ларисы

Калистратовых Зинаида Васильевна — врач, на войне служила в прифронтовом госпитале. Это потом, во дворе, мы её знали как детского врача.

В школе всё по-другому. В актовом зале на майской линейке — торжественные речёвки, в глазах рябит от алых пионерских галстуков. Вынос знамени, чествование ветеранов, на кителях, гражданских пиджаках и гимнастерках сверкают на солнце боевые награды, смущённые лица.

Герой Советского Союза партизан А. Волынец не мастер был говорить громкие слова, собьётся на полуслове, замолчит, побледнеет. Пионервожатая тут же бодрым голосом подхватит — и пошла трещать, перечисляет заслуги скромного на вид, застенчивого человека. Он стоит рядом, на нём серая рубашка без галстука, совсем не похож на героя.

МИТЬКА ГРОЗНЫЙ

...Впервые о легендарном казаке «Митьке» услышала от старожилов. Места эти — Ерёмичи, Синявская Слобода, Любча, Кореличи — партизанские. В 1942–1944 годах за Неманом, в Налибокской пуще, базировались отряды, или, как говорят местные жители до сего времени, «партизанка», в том числе и 1-я Белорусская кавалерийская бригада партизанского командира Дмитрия Анисимовича Денисенко.

Резануло слух — «Митяй». Почему Митяй? Мне, как человеку приезжему, слышались неуважительные нотки, ведь после войны Дмитрий Анисимович Денисенко занимал руководящие посты. Но те, с кем пришлось общаться, успокоили. Партизанская кличка приросла к командиру навсегда, с ней он жил в послевоенное мирное время. Его нет уже почти тридцать лет, а в народе помнят Денисенко как командира Митьку.

Родственники Денисенко передали мне из семейного архива некоторые документы: фотографии, письма, рукописные мемуары Дмитрия Анисимовича. В марте этого года ему бы исполнилось 100 лет, но почему-то юбилейная дата прошла никем не замеченной.

Кроме семейного архива Денисенко о боевом казаке Митьке есть документальная повесть «Нёманские казаки» Янки Брыля, написанная по горячим следам в 1946 году. Есть ещё книга воспоминаний «Долг памяти» Владимира Колесника, опубликованная в 2005 году.

Читаю воспоминания Дмитрия Анисимовича, набираю, осмысливаю. Не загадываю, но может получиться небольшая повесть. Воспоминания Денисенко никогда не были опубликованы. Особенно интересны события из

его детства. Почерк в рукописи 60-х годов ещё чёткий, красивый, легко читается. Своеобразный документ времени и самого автора.

«В семье отец воспитывал в строгом режиме повеления и уважения к старшим, но по характеру я был на редкость дерзким и решительным. Скорее всего, это передалось по наследству от матери, по решительности и действиям она не уступала мужчине. Приходил я со школы каждый раз с побитой мордой и порванной одеждой. ...в школе казачьей один на один я не уступал в драке любому из моих противников. И тут им приходили на помощь, и мне попадало на полную губу...»

Станица Пластуновская — с давней историей. Её первые поселенцы — черноморские казаки-пластуны, обособленная прослойка пехоты, пешие казаки-разведчики. Опасная служба пластунов считается предшественницей современного спецназа.

КАЗАК ВСЕГДА КАЗАК

Мальчики в семьях казаков рано садятся верхом на лошадь, знакомы с оружием. Им с детства на примерах старших прививались понятия чести и воинской доблести. Все эти качества для Дмитрия Денисенко были естественны и понятны. *«С самого детства мы любили больше всего лошадей и особенно верховую езду, которой обучали с ранних лет, владели полным мастерством».*

Среди сверстников силой не выделялся, был шупловат, невысокого роста, но задирист и смел.

В тепличных условиях из мальчика не вырастет мужчина, тем более воин, а Дмитрия жизнь не баловала — детдом заменил родителей. Он привык защищаться и не жаловаться. Судьба как знала, проверяла характер на прочность, готовила к будущим испытаниям. Какой казак тогда не мечтал служить в кавалерии? Устремлённость и трудолюбие поощрялись, армия давала путёвку в жизнь.

«В 1939 году я достиг призывного возраста. Но сиротская детская жизнь оставила свои следы. Проходя призывную комиссию, большинство моих коллег были признаны комиссией и зачислены для службы в казачьи дивизии Красной армии. Я же в призывной возраст имел рост 150 см и вес 54 кг. Решение комиссии очень огорчило меня: «Непригоден для службы в армии». И тогда я пошёл к комиссару военкомата, который возглавлял комиссию, и со слезами начал просить его зачислить в кавалерию... и долго меня, как куклу, крутили врачи, и после общего совета комиссия зачислила

меня для службы в 6-ю конную кубанскую дивизию. Вы не можете себе представить, какая была для меня радость!»

До 1939 года эти земли входили в состав так называемых «*усходніх крэсаў*» Польши. После польского похода Красной армии новая государственная граница в 1939 году ушла за Белосток. Казак Денисенко в январе 1940 года был призван в армию рядовым кавалеристом в 6-й Кубано-Терскую казачью дивизию (КТКД) в г. Ломжа.

После массированной бомбёжки 22 июня во второй половине дня немцы вошли в Ломжу. К вечеру бойцы Красной Армии, неся огромные потери, отступили из города.

«В 1941 г. после вероломного злодейского нападения немецких фашистов на нашу Родину, будучи рядовым солдатом кадровых войск 6-й КТКД, при защите Родины я был ранен. Пробирался по тылам противника к линии фронта. На 17 сутки войны был задержан немцами и конвоирован в концлагерь вблизи Минска — Масюковщина. Из Минска конвоировали в Дзержинск, а после в г. Столбцы д. Н. Свержень на лесозавод. В указанной деревне за меня поручился крестьянин Тумиковский Игнатий Владимирович, у которого я проживал под надзором немцев и полиции. После выздоровления от ран в мае 1942 г. с организованной группой пленных бежали. Держали связь через партизан Андрея Саатевича и Качановича. В лесу Бершитаны организовали партизанский отряд, я был в должности командира разведки...»

СВОИХ НЕ ПРОДАЮ...

В другой тетрадке Денисенко более подробно рассказывает, как в лагере его вербовало гестапо: *«...Подошла очередь за мной, я был очень худой, да и вообще вид мой не внушал доверия быть полезным солдатом для немецкой армии. Подойдя к столу, немец толкнул меня в плечо, указал мне идти туда, где стояли выбракованные, и душа моя отделилась лёгким переполохом...»*

Тех, кто согласился служить немцам, переписали, построили в колонну и увели под командованием немца. *«На второй день были все одеты в немецкую солдатскую форму... Спустя пару дней уже с оружием несли службу по охране лесзавода, доставляли еврейскую колонну на работу. Мои сослуживцы часто при встречах уговаривали меня идти служить к немцам, обещая поспособствовать, на что я согласия не давал, мотивируя плохим здоровьем, ранение долго не заживало...»*

У человека всегда есть выбор, особенно он мучителен в нечеловеческих условиях. Сильных духом война делает сильнее — слетает всякая пустая шелуха, обнажая ядро личности. Почти естественный отбор.

У Денисенко осенью 1941 года мог бы случиться и другой сценарий жизни, более сытный и «надёжный», как у *других* военнопленных, его бывших сослуживцев, тех, кто дрогнул, скис, растерялся. Казак Денисенко остался на своей стороне. Раненый, изможденный грузил в вагоны лес, а сам оценивал обстановку, присматривался к людям, набирался сил, чтобы при случае убежать и дальше бить врага.

Впереди у Дмитрия-Митьки — трудные годы войны «в партизанке». Денисенко начал войну беспартийным рядовым, а закончил в звании полковника с боевыми наградами — орденом Ленина, орденом Красного Знамени, медалями.

Про него в народе ходили легенды.

«В церквях бабушки и тетки подавали на клирос заздравные списки. И бывало иногда так, что в перечне родных Иванов и Анн, за жизнь и здоровье которых должен был вслух помолиться поп, стояло имя Змитрок, а то и более чётко — «воин Дмитрий». Тот самый. Героев создаёт народ» (Янка Брыль «Нёманские казаки»).

ПО КОМ ПОЁТ ВЕТЕР

...В 80-х годах прошлого века комсомольцы, дети и внуки партизан ещё ухаживали за землянками, знали потайные тропы к партизанским стоянкам. Теперь-то в тех лесах давно уже всё заросло кустарником, затянуло травой разрушенные укрепления. Стоит Налибокский лес — последний свидетель давних событий, шумит в верхушках сосен ветер, поёт прощальную поминальную молитву.

Каждый новый май мы чтим День Победы. Он особенный. В нём жива горечь потерь и радость жизненной силы. Не утратить бы этот смысл и в будущем.

В новейшие времена крылатую фразу «победителей не судят» любят оспаривать. Героев и победителей Великой Отечественной судят, и легионы новорождённых летописцев подвергают сомнению дела минувших лет. И как бы ничего не происходит. Живём — обособленно, замкнуто и ценим свой личный закрытый мир.

Забудем имена прошлых героев — их места займут *другие*.

В наши мирные и славные дни, кажется, и не нужны они — не потерявшие чести на той войне. Из благополучного сейчас трудно представить, что им довелось вынести.

Воин Дмитрий, названный родителями по святкам в честь святого Дмитрия Иверского — самопожертвователя, не нуждается в защите. Его боли и раны, достойная жизнь — пример подвига, героизма — давно вписаны в другие пределы его небесными покровителями.